

О дигитализации языка

© Н.И. КЛУШИНА,
доктор филологических наук

В статье поднимается проблема дигитализации языка. Выявлены причины трансформации современного литературного языка и описаны ключевые моменты в истории развития цифровой эпохи, оказывающие влияние на современный литературный язык.

Ключевые слова: язык, дигитализация, медийный язык, медиакультура, медиастилистика.

DOI: 10.31857/S013161170003006-5

The article contains the problem of digitalization of language. The author tries to understand which reasons influence on transformation of modern literary language. Besides, the author describes the key moments of history of research of digital era, influencing the modern literary language.

Key words: language, digitalization, digital-language, mediaculture, media stylistika.

Создание азбуки и изобретение печатного станка Гуттенбергом распространило и утвердило книжную культуру, возвеличив ее над устной речевой стихией. Это дало особые привилегии письменному языку, который, по мысли академика В.Г. Костомарова, лег в основу всех научных изысканий. Хотя живая разговорная речь не столько первобытна, сколько первична в жизни социума, в приоритете тем не менее речь книжная, письменная, зарегулированная и отшлифованная.

Книга — не просто носитель информации, какими в свое время были и вощенные глиняные дощечки, и берестяные грамоты, и папирус. Печатная книга явила собой новый тип культуры — культуры книжной, которая сегодня называется традиционной. Именно книга преодолела «местечковость» локальных культур и объединила интеллектуальные порывы мыслителей разных эпох и стран. В принципе книга — это и есть материализованная ноосфера Вернадского.

Ученые всегда отмечали факультативность, необязательность культуры, ведь она не относится к базовым потребностям человека, определенным пирамидой Маслоу, где в основании лежат потребности в еде, воде, одежде и другое. Поэтому хотя и радикально, но вполне справедливо звучат

идеи некоторых современных философов о «принуждении к культуре», чтоб не оказаться снова в пещере, которую излишне идеализировал Руссо.

Книжный язык велеречивый, неспешный, размеренный, рассчитанный на вдумчивое чтение. Книжная эпоха формировала несуетность мысли, ценила эстетику молчания и учила, по Пушкину, «удерживать внимание долгих дум».

Интернет породил новый тип культуры — медиакультуру, которая потеснила культуру книжную и заменила ноосферу инфосферой. Лаконизм, обрывочность мыслей, клиповость сознания, болтовня, хайп (ажиотаж) и самопрезентация — маркеры современной медиакультуры, которую можно рассматривать как антитезу культуры книжной, традиционной.

Роль Интернета в развитии языка и культуры сопоставима только с технологической революцией Гуттенберга и гуманитарно-стилистической революцией Пушкина.

В пространстве Интернета, по мысли члена-корреспондента РАН Ю.Л. Воронникова, язык получил иное бытование. И действительно, язык в Интернете становится другим. Мы его критикуем, нам не нравятся многие новации, особенно поток интернет-жаргона (лайф-хак, изи, профит и тому подобные), мы отмечаем его аграмматизм и пренебрежение пунктуацией. Но новые, цифровые условия существования языка неизбежно сказываются на его трансформации и пренебрегают языковым вкусом, сложившимся в обществе в доинтернетовскую эру. Дигитализация языка и культуры — это серьезные вызовы новейшего времени, времени слома книжной эпохи и рождения цифровой.

Книжная культура линейна. Она отражает нашу письменность (слева направо и сверху вниз) и наше последовательное мышление — как будто тянется и прядется нить мыслей, а не обрывается из-за жестких рамок дигитального экрана. Интернет — это культура экранная, «рамочная». Интернет-тексты — тексты в рамке, а потому компрессированные, лаконичные, немногословные. Лучшими интернет-текстами сегодня были бы афоризмы Козьмы Пруткова («Бди!», «Нельзя объять необъятное!» и другие).

Компрессия текстов обусловлена границами экрана. Длинные тексты в соцсетях и чатах остаются не прочитанными. Не случайно социологические замеры аудитории сегодня включают параметр «глубина просмотра» — как долго читатель задержался на конкретном тексте в Сети. А Твиттер строго параметризует свои тексты по количеству знаков. Так формируется экранная культура, с ее скользящим чтением вместо вдумчивого погружения в мир высокой традиционной культуры. Но в этом и спасение дигитального человека от информационного стресса, вызванного информационным потоком в Сети.

В становлении и развитии традиционной книжной культуры и языка самую значительную роль играли гении: Байрон, Гёте, Пушкин. Язык творит народ, но литературный язык творит гений. Гуманитарно-стилистическая

роль Пушкина в становлении русского литературного языка неоспорима, после Пушкина русский литературный язык стал другим. Академик В.В. Виноградов писал о том, что именно Пушкин раздвинул границы салонного языка Карамзина и включил народную стихию в свои произведения. Ученик академика В.В. Виноградова академик В.Г. Костомаров шуточно замечает, что его язык, язык Костомарова, совершенно безразличен русскому литературному языку, а вот язык Пушкина изменил весь литературный язык.

Сегодня в современной медиакультуре роль Пушкина взял на себя Интернет. Именно Интернет произвел не только технологическую, гуттенберговскую революцию, но и стилистическую, пушкинскую революцию, которая кардинальным образом отразится на нашем языке.

Новые цифровые технологии стали ретортами для переформатирования книжного письменного языка в язык устно-письменный, как сегодня называют язык Интернета. Интернет, как и Пушкин, раздвинул границы дозволенного для устной разговорной стихии, произвел так называемую коллоквиализацию языка, то есть сделал разговорность своей ведущей чертой. И если заглянуть в будущее, то мы стоим на пороге создания нового, дигитального варианта языка, активно утверждаемого в современном дигитальном обществе.

И как в истории любого литературного языка, в творимой на наших глазах истории языка дигитального можно уже выделить несколько периодов: Web 1.0, Web 2.0 и Web 3.0.

Web 1.0 — это так называемый «старый Интернет», практически не отразившийся на литературном языке. Это эпоха институализированного Интернета, когда общественные институты (медиа, официальные организации) создавали сайты и электронные версии изданий.

В этот период сайты являлись электронными клонами печатных газет. Электронная версия газеты дублировала ее печатный контент, отличия были только в дизайне и в гиперссылках, когда читатель, нажимая на любую из гиперссылок, мог расширить границы текста и перейти на другой сайт или оказаться на странице «архива» данного издания. «Прогулки по гиперссылкам» раздвигают границы текста и позволяют читателю моделировать авторский текст по своему усмотрению, расширяя его информационный потенциал. Но влиять на язык в Интернете пользователи не могли. Автор эпохи Web 1.0 терял контроль над границами своего текста, но не над языком.

Язык Web 1.0 равен литературному языку традиционной эпохи, подчиняется ее нормам и только, как почки на деревьях, накапливает изменения, которые раскроются в эпоху Web 2.0.

Эпоха Web 2.0 вошла в новейшую дигитальную историю как эпоха твиттер-революции и революции соцсетей. Web 2.0 открыла в Сети шлюзы для пользовательского контента — любой человек смог создавать и выкладывать

свои тексты в ЖЖ, в Фейсбуке, ВКонтакте и на других интернет-платформах. Язык Web 2.0 — это язык текущего момента. Пользователи Интернета, в том числе и мобильного, в чатах, смсках, в мессенджерах и соцсетях творят новый язык новой эпохи. Интернет в своей виртуальной лаборатории экспериментирует со стихией разговорной речи, речи ненормированной а иногда и ненормативной, не ограниченной нормами и строгими рамками книжной культуры, экспериментирует с заимствованными словами и неологизмами, создает язык эмодзи и эмотиконов (когда вместо этикетных и эмоциональных слов используются смайлики, обозначающие улыбку, а выбор любой другой эмоции зависит только от возможностей вашего смартфона) и использует в качестве крылатых слов и выражений интернет-мемы (картинки или выражения, вызывающие устойчивые ассоциации с чьим-либо высказыванием или с какой-либо ситуацией, например, «ждун», «руки-базуки», «денег-нет-но-вы-держитесь»).

Пользователи Интернета карнавализуют язык, как в свое время улицы и площадь, по мнению М. Бахтина, переворачивали и высмеивали догмы и нормы Средневековья.

Литературный язык в Интернете в эпоху Web 2.0 стал испытывать очень серьезное давление узуса. Неограниченная свобода самовыражения, непрерывный диалог пользователей в Сети (в сообществах, на форумах, в комментариях, чатах) и установка на самопрезентацию приводят к пренебрежению нормами языка, к доминированию разговорно-просторечного стиля (мимимишный, себяшки, обнимашки, целовашки) и намеренному включению модных заимствованных слов (шоурумы, коучи, тренды, подкасты), манифестирующих стремительную модернизацию языка цифровой эпохи. С точки зрения нормированного литературного языка традиционной культуры язык современной медиакультуры представляется макароническим («смесь французского с нижегородским»), то есть варваризованным и стилистически сниженным.

Дигитализация языка в эпоху Web 2.0 приводит к пренебрежению формой для выражения смысла, то есть намеренному отказу от стилистики в пользу антистилистики: как в высказывании одного из блогеров на платформе Яндекс.Дзен «обними меня по волосам» (пример А.В. Николаевой), в котором форма «подавлена» смыслом и абсолютно не важна, с точки зрения современных пользователей Сети, для понимания в интернет-коммуникации.

Дигитальный язык Web 2.0 — это еще и визуальный язык, в котором гифкам и стикерам, смайликам и эмотиконам отводится не менее важная роль, чем буквам, запятым, абзацам и дефисам традиционного линейного письма. Именно дигитальный язык становится новым способом выражения наших мыслей и выплескивается в оффлайн (#москвалучшийгородземли) и тем самым «переформатирует» традиционный литературный язык.

А на пороге уже Web 3.0 — этап развития интернет-технологий, который может привести не просто к дигитализации языка, а к его дегуманизации. Создание чат-ботов (роботов, которые автоматически формируют и «просеивают» информацию в Сети), генераторов стихов и генераторов новостей (автоматически формируемых искусственным интеллектом), роботизация текстов, существующие уже сегодня, вытесняют человека из языкового бытия. Новая форма бытования языка в Интернете может оказаться бытованием без человека, язык создавшего и создающего. Успешно протестированный недавно робот Вера прекрасно выполняет функции менеджера по кадровым вопросам: шлет ответы на резюме и проводит собеседования по телефону, правда, пока еще предупреждая, что она робот. Роботизированный язык — это искусственный язык, но в отличие от эсперанто или азбуки Морзе, удачно мимикрирующий под естественный язык. Мы незаметно оказываемся в Бартовском мире симулякров. И вполне вероятно, что человеку дигитальному придется переформулировать онтологические вопросы цифровой эпохи: не «Гугл тебе в помощь», а «Сеть, знай свое место».

В монографии Б. Тошовича «Генераторская лингвистика» (2018) ученый исследует роботизированные тексты, сгенерированные искусственным интеллектом, и показывает, что в скором будущем они будут составлять значительную часть нашей культуры.

Эсхатологические мотивы всегда сопровождают смену эпох. Но логика жизни показывает, что, как бы ни менялся язык, как бы мы ни сопротивлялись этим изменениям, он есть и останется способом выражения наших мыслей и способом сохранения культуры — книжной, цифровой и неведомой пока нам культуры будущего.

И если посмотреть на язык в Интернете не с позиций культуры речи, а с позиций онтологии языка, то мы осознаем, что дигитальный язык — не испорченный литературный язык, а принципиально новая форма литературного языка и что с ним надо не бороться и отвергать, а корректировать и «встраивать» в историю развития литературного языка, сохраняя основные достижения традиционной культуры.

МГУ им. М.В. Ломоносова

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 17-04-00032а
«Влияние Интернета на жанровые и стилистические
параметры медиатекста»